

Д. В. Майборода

ФИЛОСОФИЯ ХАНСА-ГЕОРГА ГАДАМЕРА И ДИАЛОГИЗМ

Философия Ханса-Георга Гадамера часто описывается как диалогическая, а потому важно уточнить, какие именно его идеи и как позволяют это сделать.

Обращаясь к русскоязычным читателям в предисловии к «Актуальности прекрасного» (1991), Гадамер пишет: «Фундаментальная истина герменевтики такова: истину не может познавать и сообщать кто-то один. Всемерно поддерживать диалог, давать сказать свое слово и инакомыслящему, уметь усваивать произносимое им – вот в чем душа герменевтики» (с. 8). Диалогизм – душа герменевтики. Но это диалогизм особого рода.

Например, сама философия описывается Гадамером как диалог особого рода: «Аристотель и Гегель, Кант и Хайдеггер, Уайтхед и Витгенштейн – примечания к Платону, участники бесконечного диалога» (с. 12). Но ведь «Хайдеггер ведет диалог с Платоном» – не то же самое, что «философия

Хайдеггера – только примечания к философии Платона». Первое в простом смысле значит, что Хайдеггер отвечает на вопросы, поставленные Платоном. Второе – что Хайдеггер прояснил сказанное Платоном, например, для Гадамера (или для меня).

Разберем вначале первое. Обращает на себя внимание настоящее время в высказывании «Хайдеггер ведет диалог с Платоном». Ведь это можно сформулировать и иначе: «Хайдеггер вел диалог с Платоном». Но это имеет несколько иной смысл: Платон высказал нечто, на что отвечал Хайдеггер, а потом он умер, и теперь наша задача – обнаружить вопросы, на которые не ответил Хайдеггер, чтобы продолжить этот «бесконечный диалог». «Хайдеггер ведет диалог с Платоном» говорит, что Хайдеггер все еще отвечает на вопросы Платона, и, возможно, и Платон отвечает на вопросы, поставленные Хайдеггером. Это кажется парадоксальным, ведь оба уже умерли, и к тому же Платон – за несколько тысячелетий до Хайдеггера. И, тем не менее, это не кажется ошибкой.

Дело обстоит так, будто Платон и Хайдеггер живы, и ведут диалог, и этот диалог – не фантазия отдельной личности, например, Гадамера (или меня). Ясно, что тот или иной мыслитель «открывает» для себя этот диалог по-своему, в свое время и в определенном контексте. Но ясно также, что быстро происходит и другое «открытие» – того, что этот диалог «открыли» для себя и другие. Этот диалог словно бы из разных позиций наблюдается разными современными философами. Кто-то не обращает внимания на то, что говорит Платон, кто-то пропускает мимо слова Хайдеггера, кто-то вообще отворачивается, не считая этот диалог важным. Можно сказать, что есть некоторое социальное воображаемое философии, в котором ведется этот диалог, который способны услышать немногие, и еще меньшее число – вмешаться.

Вернемся к утверждению «философия Хайдеггера – только примечания к философии Платона». Тут – иной образ диалога. Платон что-то говорит Гадамеру (или мне), Хайдеггер комментирует. Комментарий помогает понять, а понять – значит уяснить, какой именно вопрос поставлен и как следует отвечать на него. Можно ли так и понимать философию – как мой собственный разговор с Платоном при посредничестве Хайдеггера, Уайтхеда и других? И почему именно с Платоном?

В другом месте Гадамер утверждает, что современная философия свершается в диалоге с тремя основными собеседниками – греками, Кантом и Гегелем (с. 25). Или можно, опираясь на один из современных индексов цитирования, сказать, что философия сегодня – диалог как минимум с Платоном и Аристотелем, Кантом и Гегелем, Марксом и Ницше? Или список должен быть еще больше? И должен ли он включать Конфуция и Будду Шакьямуни? В своем преподавании философии я готовлю студентов хотя бы «шапочно» опознавать двадцать пять важнейших философов, достаточно ли это? И как все же мыслить диалог философов – как некая воображаемая «философская агора» или как получение некоторого числа писем, на которые мне нужно ответить, понимая, что мой ответ станет просто еще одним письмом в той кипе, которую затем получит кто-то другой?

Можно найти подсказку в утверждении Гадамера, что философия – история не понятий, а Понятия, которое проявляется во всяком понятии. Или это – обнаружение Слова за словами, Языка – за языками. Тогда можно сказать, что философия – ответ не философам, а Философу, который – за каждым философом. История Понятия нужна не только для того, чтобы понять Понятие. Ровно так же обнаружение Слова в словах нужно, не просто чтобы сказать свое слово. Мое понимание дает сбыться Понятию, мое слово – Слову, и мой диалог – Диалогу. Отвечая Философу, сам оказываешься одним из Его комментаторов для тех, кто будет продолжать диалог потом. Это и ясно: развивая свою философию как критику тех или иных философий, продолжаешь Философию, которая затем будет продолжена чьей-то еще философией. Или, говоря метафорически, философия – именно ответ на письма, складывающиеся в Письмо, в котором ответ станет несколькими новыми страницами.

Эта, в сущности, идея философии как «открытого произведения», однако в определенной мере включает в себя и образ «философской агоры». Зов философии никогда не обретается в виде какого-то монолитного произведения. Метафорическое Письмо философии – не логически организованная Книга, скорее, это ворох совершенно различных писем, часто противоречащих друг другу, частью подмокших или даже уничтоженных плесенью. Их письмам нужно вернуть жизнь: не просто озвучить их, но взломать скрывающую их скорлупу критикой. «Философская мысль и ее осмысление призваны поэтому сломить окаменелости так называемых химически чистых понятий», чтобы «постоянно чувствовать бесконечность мыслительных задач, в качестве каковых для нас существует философия, а только это открывает возможность их выполнить – со всей неизбежной неполнотой» (с. 42).

Проще всего разрушать одну окаменелость другой, и потому исходная позиция критики – столкновение установленных точек зрения. Озвучивая позиции, противопоставлять их, чтобы понять, какие их элементы достойны того, чтобы положить их в основание своего нового взгляда – это и есть античная диалектика, родившаяся на афинской агоре. «Философская агора», на которой сходятся Сократ с Хабермасом и Лао-цзы с Локком – это воображаемое. Но, как говорилось выше, оно не полностью произвольно. Индивидуальны образы этой «философской агоры» у разных индивидуумов, но там, где эти образы отражают не столько их частную волю, а общезначимое событие мысли, именно там и сбывается философия как центральное событие «универсума диалога».

Здесь важно отметить, что лишь актуализация «философской агоры» в реальных диалогах – страховка от падения в произвол, ведь «разговор с другим, согласие другого с нами, его возражения, его понимание и непонимание знаменуют расширение нашей индивидуальности – это всякий раз испытание возможной общности, на которое подвигает нас разум» (с. 86). Как и всякий воображаемый диалог, индивидуальный образ «философской агоры» – это только набросок. Необходимо соотнесение его с образами,

которые обнаруживают в диалоге реальные другие. Смысл предельности (или абсолютности), на которую нас ориентирует при этом философия – то, что нужно найти Другого в других, вступив в Диалог, проявляющийся в диалогах, чтобы обнаружить за разными смыслами Смысл. Но это опасно, ведь в таком абстрагировании легко столкнуться со все умерщвляющей силой монолога.

В противовес «наполовину мертвым диалогам» (те, что ведутся со многими или в присутствии многих) Гадамер выделяет три типа разговора, в которых он сохраняет свою подлинную суть и функцию. Он называет их также «индивидуализированные ситуации разговора», и это – переговоры, психотерапевтические и интимные беседы. Переговоры, даже если они деловые, нацелены на достижение соглашения, а это требует внимательности к собеседнику. В психотерапии «неспособность к разговору – это исходная ситуация, а процесс лечения и состоит в том, что пациент вновь учится вести разговор» (с. 89). Ориентируясь на эти типы разговора, философия не может замыкаться на воображении «философской агоры», но должна быть вовлечена в реальное общение со свойственными ему сближением, договариванием и терапевтическим эффектом. Именно поэтому в философию легче включиться, когда это – живая традиция. Не всем, конечно, везет так, как самому Гадамеру, наставником и другом которого был Хайдеггер. Но ведь обнаружить Философа можно не только в том или ином философе, но практически в каждом человеке, если научиться правильно вопрошать. И ведь это – именно то, чем и занимался Сократ. И более того, это – именно то, к чему вообще призывает философия со времен Сократа. И Гадамер учит нас слышать этот призыв.